

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-6-29-36

НИКОЛАЕВА Юлия Валентиновна,
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой международного и публичного права
Юридического факультета Финансового университета
при Правительстве РФ,
e-mail: e-mail@law-books.ru

КОРРУПЦИЯ И КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье исследуется коррупция как комплексная угроза национальной безопасности России. Обосновывается, что коррупционные преступления причиняют вред не только имущественным интересам государства и организаций, но и основам публично-го управления, экономическому суверенитету, финансовой дисциплине, конкурентной среде, доверию к суду и государственной службе. На основе анализа действующего законодательства, стратегических документов, разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и научных подходов раскрывается уголовно-правовое содержание коррупционных преступлений, их связь с экономической и институциональной безопасностью, а также формулируются предложения по совершенствованию антикоррупционной политики.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, национальная безопасность, экономическая безопасность, взяточничество, коммерческий подкуп, конфликт интересов, уголовная политика.

NIKOLAEVA Yulia Valentinovna,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of International and Public Law
Faculty of Law, Financial University
under the Government of the Russian Federation

CORRUPTION AND CORRUPTION CRIMES AS A THREAT TO NATIONAL SECURITY

Annotation. This article examines corruption as a complex threat to Russia's national security. It is argued that corruption-related crimes harm not only the property interests of the state and organizations, but also the foundations of public administration, economic sovereignty, financial discipline, the competitive environment, and trust in the courts and civil service. Based on an analysis of current legislation, strategic documents, clarifications from the Supreme Court of the Russian Federation, and scientific approaches, this article explores the criminal law content of corruption offenses and their connection to economic and institutional security. Proposals for improving anti-corruption policy are also formulated.

Key words: corruption, corruption offenses, national security, economic security, bribery, commercial bribery, conflict of interest, criminal policy.

Коррупция относится к числу наиболее устойчивых угроз национальной безопасности, поскольку она поражает не внешний контур государства, а внутренний механизм публичной власти. В условиях правового государства безопасность обеспечивается не только силовыми средствами, но и способностью публичных институтов действовать законно, предсказуемо, беспристрастно и в интересах общества. Коррупция разрушает эту способность: госу-

дарственная функция превращается в предмет незаконного обмена, административное решение — в частную услугу, а публичный интерес — в ресурс извлечения ренты. Поэтому антикоррупционная политика не может рассматриваться как узкое направление дисциплинарного контроля; она образует самостоятельный элемент обеспечения национальной безопасности.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации связывает устойчивость госу-

дарства с качеством публичного управления, социально-экономическим развитием, защитой прав граждан, противодействием криминализации общественных отношений и обеспечением экономического суверенитета. В этой системе коррупция выступает сквозной угрозой: она подрывает бюджетную дисциплину, искажает конкуренцию, снижает эффективность национальных проектов, создает условия для организованной и экономической преступности, способствует легализации преступных доходов и формирует недоверие к суду и правоохранительным органам. Следовательно, коррупционное преступление опасно не только фактом незаконного вознаграждения, но и тем, что оно изменяет сам режим функционирования власти. [1]

Федеральный закон «О противодействии коррупции» определяет коррупцию через злоупотребление служебным положением, дачу и получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп и иное незаконное использование должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды. Такое определение шире уголовно-правового перечня составов: оно охватывает профилактику, конфликт интересов, запреты и ограничения, контроль доходов и расходов, антикоррупционную экспертизу, служебную этику. Цель настоящей статьи — показать, почему коррупция и коррупционные преступления должны рассматриваться именно как угроза национальной безопасности, а не только как совокупность должностных и экономических правонарушений. [2]

Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит единой главы о коррупционных преступлениях, что обусловлено межродовым характером коррупции. Она может проявляться в преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, интересов службы в коммерческих и иных организациях, собственности, экономической деятельности, правосудия и порядка управления. Объединяющим признаком выступает не место состава в Особенной части УК РФ, а использование служебного, должностного или управленческого ресурса для получения незаконной выгоды либо предоставления такой выгоды лицу, способному повлиять на юридически значимое решение. [3]

Национальная стратегия противодействия коррупции и последующие национальные планы закрепили системный подход: противодействие коррупции включает предупреждение, выявление, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений, минимизацию их последствий и формирование антикоррупцион-

ного поведения. В этом проявляется отличие современной модели от простой репрессии. Государство должно воздействовать не только на завершённый эпизод взяточничества, но и на коррупционные риски: неопределённую дискрецию, закрытость процедур, конфликт интересов, аффилированность, неэффективный контроль, низкую прозрачность распоряжения публичными ресурсами. [4; 5]

Международно-правовая рамка также исходит из безопасности-ориентированного понимания коррупции. Конвенция ООН против коррупции указывает, что коррупция подрывает институты, этические ценности, справедливость, устойчивое развитие и правопорядок. Для России данный подход особенно важен в условиях внешнеэкономической нестабильности, технологических ограничений и необходимости защиты финансового суверенитета. Коррупционная зависимость публичного решения от частного интереса делает государство уязвимым не только перед внутренней преступностью, но и перед внешним влиянием, поскольку доступ к чиновнику, закупке, разрешению или данным может использоваться как инструмент давления. [6]

Особую опасность представляет сетевой характер коррупции. Разовая передача незаконного вознаграждения причиняет вред конкретным отношениям службы; устойчивая коррупционная сеть создает альтернативный порядок управления, основанный на неформальной лояльности, взаимном прикрытии и распределении незаконной выгоды. Такая сеть способна защищать экономические преступления, вывод активов, незаконные закупки, фиктивное исполнение контрактов, налоговые схемы и легализацию доходов. Поэтому коррупционная угроза национальной безопасности всегда шире суммы выявленных уголовных дел.

Б. В. Волженкин обоснованно рассматривал коррупцию шире взяточничества: как использование должностного положения в корыстных или иных личных интересах вопреки интересам службы. Данная позиция остается принципиальной. Взятничество образует ядро коррупционной преступности, однако вокруг него располагаются злоупотребление полномочиями, незаконное участие в предпринимательской деятельности, служебный подлог, хищение с использованием служебного положения, незаконное покровительство, коммерческий подкуп и легализация коррупционных доходов. Иначе говоря, коррупция является не отдельным составом, а способом криминального использования власти. [7]

А. И. Долгова и В. В. Лунеев подчеркивали связь коррупции с организованной преступностью и ее высокую латентность. Латентность обуслов-

лена взаимной заинтересованностью участников коррупционной сделки в сокрытии, сложностью доказывания неформального соглашения, использованием посредников, фиктивных договоров, аффилированных лиц и внешне правомерных юридических конструкций. С точки зрения национальной безопасности это означает, что официальная статистика отражает прежде всего уровень выявления, а не фактический масштаб коррупционного рынка. [8; 9]

П. А. Кабанов рассматривает антикоррупционную политику как систему целей, субъектов, принципов и мер, а не как простое усиление наказания. Такой подход представляется наиболее продуктивным. Уголовная ответственность необходима, но она не способна заменить прозрачность процедур, антикоррупционную экспертизу нормативных актов, контроль конфликта интересов, служебные ограничения, финансовый мониторинг и возврат незаконных активов. Коррупция воспроизводится там, где административное решение непрозрачно, проверка формальна, а выгода от нарушения превышает риск ответственности. [10]

Н. А. Лопашенко, анализируя преступления в сфере экономической деятельности, показывает, что криминальное поведение часто использует легальные формы хозяйственного оборота. Коррупция в этой системе выступает инфраструктурой экономической преступности: она обеспечивает доступ к государственному заказу, лицензии, субсидии, проверке, налоговому решению, таможенному режиму, информации или судебной защите. Поэтому коррупционные преступления являются угрозой экономической безопасности: они меняют правила рынка, вытесняют добросовестных участников и закрепляют преимущество незаконного административного доступа. [11]

П. С. Яни обращает внимание на необходимость точного разграничения взятки, коммерческого подкупа, мошенничества и законного вознаграждения. Это важно потому, что антикоррупционное правоприменение должно быть не только строгим, но и юридически определенным. Чрезмерно расширительное толкование коррупции создает риск произвольного уголовного преследования, а чрезмерно узкое — позволяет маскировать незаконную выгоду под гражданско-правовые сделки, консультационные договоры, пожертвования, трудоустройство родственников или иные формы непрямого вознаграждения. [12]

Ядро коррупционных преступлений составляют получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве, мелкое взяточничество, коммерческий подкуп, посредничество в коммерческом подкупе и мелкий коммерческий подкуп. К ним примыкают злоупотребление должностными

полномочиями, превышение должностных полномочий, незаконное участие в предпринимательской деятельности, служебный подлог, хищение с использованием служебного положения, легализация преступных доходов и иные составы при наличии коррупционной направленности. Актуальные перечни статей УК РФ, применяемые для статистической отчетности, подтверждают смешанный характер данной категории: часть составов относится к коррупционным безусловно, часть — при наличии дополнительных признаков. [13]

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24 имеет ключевое значение для единообразного применения норм о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях. В нем разъясняются предмет взятки и коммерческого подкупа, момент окончания преступления, признаки посредничества, вымогательства взятки, групповых форм, значительного, крупного и особо крупного размера, а также основания освобождения от ответственности лица, активно способствовавшего раскрытию преступления. Для национальной безопасности это имеет самостоятельное значение: антикоррупционная репрессия должна быть предсказуемой, иначе борьба с коррупцией сама может стать источником произвола. [14]

Одним из сложных вопросов является разграничение преступления и коррупционного дисциплинарного проступка. Нарушение запрета, непредставление сведений о доходах, непринятие мер к урегулированию конфликта интересов, получение подарка или нарушение ограничений после увольнения со службы не всегда образуют преступление. Однако такие нарушения являются ранними индикаторами криминального риска. Закон о государственной гражданской службе закрепляет ограничения и запреты, направленные на исключение частной заинтересованности при исполнении публичных функций. Закон о контроле расходов создает имущественный механизм проверки соответствия расходов доходам и обращения необоснованного имущества в доход государства. [15; 16]

Существенное значение имеют преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Современная экономика характеризуется широким участием государственных корпораций, публично-правовых компаний, организаций с государственным участием, операторов информационных систем и подрядчиков, выполняющих публично значимые функции. Коммерческий подкуп в такой среде способен причинить вред государственному заказу, критической инфраструктуре, финансовым потокам и конкуренции. Пленум Верховного Суда по делам о преступлениях против интересов службы в коммер-

ческих организациях ориентирует суды на фактический объем управленческих функций и последствия их незаконного использования. [17]

Коррупционный доход почти всегда нуждается в последующей маскировке. Поэтому нормы о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, являются частью антикоррупционного контура. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 32 разъясняет вопросы квалификации легализации денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем. Если государство наказывает виновного, но не изымает экономический результат коррупции, превентивный эффект права резко снижается: коррупционное поведение сохраняет рациональную привлекательность. [18; 19]

Наиболее очевидный вред коррупции проявляется в экономике. Коррупционная связь превращает конкуренцию в имитацию: выигрывает не эффективный поставщик, а субъект, имеющий доступ к должностному лицу. В сфере государственных закупок это выражается в технических заданиях под заранее определенного исполнителя, завышении цены, дроблении закупок, фиктивной конкуренции, приемке некачественного результата и необоснованном изменении условий контракта. Закон № 44-ФЗ направлен на прозрачность, конкуренцию и контроль закупок, но при коррупционном влиянии формальная процедура сохраняется, а публичная цель утрачивается. [20]

Коррупция действует как скрытый налог на законопослушность. Добросовестный предприниматель несет расходы на соблюдение правил, тогда как коррупционно связанный субъект получает незаконное преимущество: ускорение процедуры, доступ к информации, снятие контроля, победу в конкурсе, льготное решение или защиту от ответственности. Это ухудшает инвестиционный климат, снижает налоговую базу, стимулирует теневую экономику и формирует недоверие к регуляторам. В результате экономическая безопасность страдает не только от прямого ущерба бюджету, но и от деформации самой среды хозяйственного оборота.

В налоговой, таможенной и финансовой сферах коррупция усиливает общественную опасность экономических преступлений. Незаконное покровительство при уклонении от налогов, фиктивном возмещении НДС, занижении таможенной стоимости, обходе внешнеэкономических запретов или выводе активов причиняет вред финансовой устойчивости государства. Пленум Верховного Суда Российской Федерации по налоговым преступлениям ориентирует суды на анализ фактического содержания операций и умысла. Если экономическая схема сопровождается коррупци-

онным прикрытием, она превращается в угрозу не только бюджету, но и управляемости финансовой системы. [21]

Коррупция в правосудии и правоохранительной сфере представляет наиболее опасную форму институциональной угрозы. Органы, призванные пресекать преступность, сами становятся объектом криминального влияния. В такой ситуации коррупция обеспечивает иммунитет для иных преступлений: экономических, должностных, организованных, финансовых. Для гражданина это означает утрату веры в равенство перед законом; для государства — снижение легитимности принуждения. Поэтому коррупционное поражение суда, следствия, прокуратуры, полиции, контрольных и надзорных органов должно рассматриваться как риск национальной безопасности повышенного уровня.

Отдельный аспект — цифровизация публичного управления. Электронные закупки, реестры, межведомственный обмен данными, автоматическая фиксация действий и риск-ориентированный контроль могут снижать коррупционные контакты. Однако цифровизация создает и новые риски: манипулирование алгоритмом, закрытые технические задания, привилегированный доступ к данным, изменение цифрового следа, зависимость государства от подрядчика. Э. В. Талапина справедливо отмечает, что информационное общество требует нового качества правового регулирования государственного управления. Антикоррупционная цифровизация должна быть аудируемой, объяснимой и юридически ответственной. [22]

Первая проблема — доказывание связи незаконной выгоды со служебным поведением. Коррупционная выгода может маскироваться под заем, оплату консультаций, премию, благотворительность, скидку, трудоустройство родственника, передачу имущественного права или будущую услугу. Для квалификации недостаточно установить имущественную передачу; необходимо доказать обусловленность этой передачи действием или бездействием по службе, а также осознание такой связи участниками. Ошибки здесь опасны в обе стороны: невиновное хозяйственное поведение не должно криминализироваться, а реальная взятка не должна уходить за фасад гражданско-правовой формы.

Вторая проблема — посредничество. Посредник может быть техническим передатчиком, организатором переговоров, лицом, обещающим повлиять на должностное лицо, либо мошенником, имитирующим возможность передачи. Разграничение имеет принципиальное значение для справедливости ответственности. Наиболее опасны устойчивые посреднические сети, которые фактически превращают доступ к публичным

решениям в профессиональную криминальную услугу. Они связывают бизнес, чиновников, контролеров, правоохранителей и консультантов, создавая инфраструктуру коррупционного рынка.

Третья проблема — дифференциация ответственности. Риторика «нулевой терпимости» не должна означать отказ от оценки степени общественной опасности. Мелкие бытовые формы коррупции, единичный эпизод, систематическое взяточничество, коррупция в суде или оборонном заказе, подкуп в интересах организованной группы и коррупция, сопряженная с легализацией доходов, требуют различной уголовно-правовой реакции. В. Н. Кудрявцев и Н. Ф. Кузнецова подчеркивали, что уголовная политика должна быть социально обусловленной и причинно ориентированной. Это означает необходимость точной, а не только суровой репрессии. [23; 24]

Четвертая проблема — недостаточная имущественная эффективность преследования. Если незаконное имущество сохраняется у виновного, членов семьи, доверенных лиц или подконтрольных компаний, наказание не устраняет мотивационную основу коррупции. Поэтому уголовно-правовые меры должны сочетаться с арестом активов, финансовым мониторингом, контролем расходов, взысканием необоснованного имущества, проверкой бенефициарного владения и анализом легализационных операций. В противном случае коррупция становится экономически выгодной даже при риске уголовной ответственности.

Пятая проблема — формализация профилактики. Антикоррупционные декларации, планы, комиссии по конфликту интересов и корпоративные комплаенс-программы нередко превращаются в набор документов, не влияющих на реальные решения. Между тем профилактика имеет значение только при наличии проверки, персональной ответственности, цифровой прослеживаемости, независимого контроля и анализа отраслевых рисков. Формальная профилактика опасна тем, что создает видимость безопасности, оставляя коррупционную сеть нетронутой.

Первое направление — развитие риск-ориентированной профилактики. Контроль должен концентрироваться на сферах повышенного риска: закупки, строительство, здравоохранение, образование, оборонный заказ, субсидии, государственное имущество, налоговое и таможенное администрирование, разрешительная деятельность, контроль и надзор. Для таких сфер необходимы карты коррупционных рисков, проверка аффилированности, открытые критерии распределения ресурсов, независимая приемка результатов и сопоставление цены, качества и фактического исполнения обязательств.

Второе направление — укрепление имущественного блока. Антикоррупционная политика должна быть ориентирована не только на наказание лица, но и на лишение преступления экономического смысла. Для этого необходимы эффективный контроль расходов, выявление бенефициаров, арест и взыскание активов, анализ фиктивных сделок, взаимодействие следствия с финансовой разведкой, налоговыми и таможенными органами. Возврат активов коррупционного происхождения является не факультативной мерой, а условием восстановления публичного интереса.

Третье направление — прозрачность и цифровой аудит публичного решения. Следует развивать журналы управленческих действий, открытые данные о закупках и исполнении контрактов, проверяемые алгоритмы отбора, автоматическое выявление аффилированности, контроль изменений технических заданий и сопоставление данных разных ведомств. При этом цифровой инструмент не должен становиться новой закрытой зоной. Алгоритм, влияющий на публичное решение, должен быть проверяемым, защищенным от манипуляции и юридически объяснимым.

Четвертое направление — защита лиц, сообщающих о коррупции. Латентность коррупции невозможно преодолеть без безопасных каналов сообщения, защиты от увольнения и давления, объективной проверки информации и ответственности за заведомо ложные сообщения. Система должна стимулировать раскрытие устойчивых коррупционных сетей, а не только фиксировать малозначительные эпизоды. Это особенно важно для закупок, государственной службы, правоохранительной сферы и организаций с государственным участием.

Пятое направление — повышение качества уголовно-правовых конструкций. Законодатель должен избегать неопределенных формулировок, но одновременно учитывать современные формы выгоды: неимущественные преимущества, цифровые активы, скрытое финансирование, трудоустройство родственников, услуги через третьих лиц. Оптимальная модель должна сочетать ясность признаков состава, дифференциацию ответственности, специальные стимулирующие механизмы раскрытия преступлений и реальные конфискационные последствия.

Шестое направление — научное сопровождение антикоррупционной политики. Необходимо исследования латентности, региональных различий, отраслевых рисков, повторности, посреднических сетей, цифровой коррупции, связи коррупции с организованной и экономической преступностью. Без криминологической диа-

гностики уголовная политика будет реагировать на видимую часть проблемы, тогда как национальная безопасность требует воздействия на причины и условия воспроизводства коррупции.

Коррупция и коррупционные преступления являются угрозой национальной безопасности потому, что они подрывают не только имущественные интересы государства, но и саму способность публичной власти действовать в соответствии с законом и публичным интересом. Они деформируют конкуренцию, разрушают доверие к государству, создают условия для экономической и организованной преступности, ослабляют финансовую дисциплину, препятствуют реализации стратегических целей и формируют теневые сети влияния на публичные решения.

Уголовно-правовое противодействие коррупции необходимо, но оно эффективно только в межотраслевой системе. Такая система должна соединять ответственность за взяточничество, коммерческий подкуп, злоупотребление полномочиями и легализацию доходов с профилактикой конфликта интересов, контролем доходов и расходов, прозрачностью закупок, антикоррупционной экспертизой, цифровым аудитом, защитой заявителей и возвратом незаконных активов. Наказание без устранения коррупционных рисков и без изъятия незаконной выгоды не обеспечивает устойчивого превентивного результата.

Таким образом, перспективная антикоррупционная политика должна быть не декларативной, а доказательной, риск-ориентированной и юридически сбалансированной. Ее задача — не только выявлять отдельные эпизоды, но и восстанавливать публичный характер власти. Именно поэтому борьба с коррупцией является одним из ключевых направлений обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, устойчивого развития и конституционной законности.

Список литературы:

[1] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202107030001> (дата обращения: 02.05.2026).

[2] Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[4] Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане про-

тиводействия коррупции на 2021–2024 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 34. Ст. 6170.

[5] Указ Президента Российской Федерации от 13.04.2010 № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 16. Ст. 1875.

[6] Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции : принята Резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН от 31.10.2003 ; ратифицирована Федеральным законом от 08.03.2006 № 40-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 12. Ст. 1231.

[7] Волженкин Б. В. Коррупция. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1998. 44 с.

[8] Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2005. 912 с.

[9] Долгова А. И. Криминология : учебник / под ред. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2010. 1008 с.

[10] Кабанов П. А. Антикоррупционная политика: понятие, содержание, структура. Казань : Познание, 2010. 248 с.

[11] Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ. М. : Волтерс Клувер, 2006. 720 с.

[12] Яни П. С. Взяточничество и смежные преступления: вопросы квалификации. М. : Статут, 2017. 240 с.

[13] Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 503/11, МВД России № 1 от 28.07.2025 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_517620/ (дата обращения: 02.05.2026).

[14] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 2013. 17 июля.

[15] Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 50 (ч. 4). Ст. 6953.

[16] Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.

[17] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях» // Российская газета. 2022. 8 июля.

[18] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Российская газета. 2015. 13 июля.

[19] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3418.

[20] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652.

[21] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Российская газета. 2019. 6 декабря.

[22] Талапина Э. В. Государственное управление в информационном обществе: правовой аспект. М.: Юриспруденция, 2015. 192 с.

[23] Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М.: Издательство Московского университета, 1969. 232 с.

[24] Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Наука, 2003. 352 с.

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202107030001> (access date: 05/02/2026).

[2] Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52 (part 1). Art. 6228.

[3] Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

[4] Decree of the President of the Russian Federation dated August 16, 2021 No. 478 "On the National Anti-Corruption Plan for 2021–2024" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 34. Art. 6170.

[5] Decree of the President of the Russian Federation dated April 13, 2010 No. 460 "On the National Anti-Corruption Strategy and the National Anti-Corruption Plan for 2010–2011" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 16. Art. 1875.

[6] United Nations Convention against Corruption: adopted by Resolution 58/4 of the UN General Assembly of 31.10.2003; ratified by Federal Law No. 40-FZ of March 8, 2006 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 12. Art. 1231.

[7] Volzhenkin B.V. Corruption. St. Petersburg: St. Petersburg Legal Institute of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 1998. 44 p.

[8] Luneev V.V. Crime of the 20th century. World, regional and Russian trends. 2nd ed., revised. and additional M.: Wolters Kluwer, 2005. 912 p.

[9] Dolgova A.I. Criminology: textbook / ed. A. I. Dolgovoy. 4th ed., revised. and additional M.: Norma, 2010. 1008 p.

[10] Kabanov P. A. Anti-corruption policy: concept, content, structure. Kazan: Poznanie, 2010. 248 p.

[11] Lopashenko N. A. Crimes in the sphere of economic activity: theoretical and applied analysis. M.: Wolters Kluwer, 2006. 720 p.

[12] Yani P. S. Bribery and related crimes: qualification issues. M.: Statute, 2017. 240 p.

[13] Directive of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation No. 503/11, Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1 dated July 28, 2025 "On the implementation of lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reporting." List No. 23 of corruption-related crimes. // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_517620/ (date of access: 05/02/2026).

[14] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2013 No. 24 "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes" // Rossiyskaya Gazeta. 2013. July 17.

[15] Federal Law of December 3, 2012 No. 230-FZ "On control over the compliance of expenses of persons holding public positions and other persons with their income" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 50 (part 4). Art. 6953.

[16] Federal Law of July 27, 2004 No. 79-FZ "On the State Civil Service of the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2004. No. 31. Art. 3215.

[17] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2022 No. 21 "On some issues of judicial practice in cases of crimes against the interests of service in commercial and other organizations" // Rossiyskaya Gazeta. 2022. July 8.

[18] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 7, 2015 No. 32 "On judicial practice in cases of legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means, and on the acquisition or sale of property known to be obtained by criminal means" // Rossiyskaya Gazeta. 2015. July 13.

[19] Federal Law of 08/07/2001 No. 115-FZ "On combating the legalization (laundering) of proceeds

from crime and the financing of terrorism" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 33 (part 1). Art. 3418.

[20] Federal Law of 04/05/2013 No. 44-FZ "On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2013. No. 14. Art. 1652.

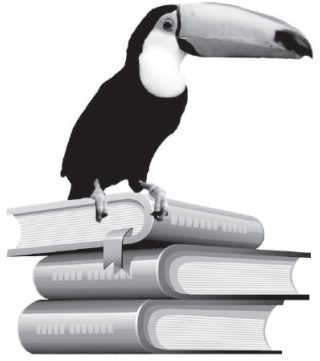
[21] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 26, 2019 No. 48 "On the practice of courts' application of legislation on liability for tax crimes" // Rossiyskaya Gazeta. 2019. December 6.

[22] Talapina E. V. Public administration in the information society: legal aspect. M.: Jurisprudence, 2015. 192 p.

[23] Kuznetsova N. F. Crime and criminality. M.: Moscow University Publishing House, 1969. 232 p.

[24] Kudryavtsev V.N. Strategies for combating crime. M.: Nauka, 2003. 352 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.